

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

К.В. Ворожихина

Живой Бог русских философов¹

Ворожихина Ксения Владимировна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

Рецензируемая книга Н.Н. Ростовской «Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека» посвящена теме «смерти Бога» и связанной с ней проблеме «смерти человека». Согласно автору, в европейской мысли понятие Бога оказалось вытесненным секулярной категорией сакрального, которое характеризуется как безличное, имманентное и амбивалентное. Как подчеркивает Ростова, вместе с Богом исчезает и человек, т. е. сознание, поскольку Бог является формой и структурой, упорядочивающими хаос человеческой субъективности. С утратой этой формы субъективность рассеивается и сознание перестает существовать. При этом речь не идет об исчезновении человеческого, но только человека; утраченное сознание заменяется потоком субъективных эмоций и аффектов. Дискурс сакрального, будучи «отражением самосознания научной эпохи», предполагает согласующиеся с эволюционизмом онтологию и антропологию непрерывности, подразумевающие, что бытие и существование человека ограничены имманентной сферой. В противоположность западной традиции русская философия, по мнению Ростовской, основывается на традиционном понимании Бога как единственной трансцендентной живой и конкретной истины. Русская философия – это философия культа, «тотально освещающего реальность», философия всеединства и соборности, выводящих человеческую субъективность из замкнутости. В отечественной философской мысли преобладают онтология и антропология радикальных «разрывов», подразумевающие мистериальное взаимодействие трансцендентного и имманентного, конечного и бесконечного, абсолютного и относительного. Если в западной традиции Бог оказался «изгнан», подобно бесам, за негуманность, нетерпимость и нетолерантность, то, по мнению автора, для отечественной философии Бог остается основой иерархии, разделения, неравенства, порядка и сознания. Книга Н.Н. Ростовской построена на достаточно схематичном противопоставлении европейской философии, для которой характерен дискурс сакрального, русской мысли, представленной как философия культа. Автор резко критически относится к западной традиции и апологетически – к отечественной, хотя ни та, ни другая не являются однородными.

Ключевые слова: «смерть Бога», сакральное, мистериальное, Н.Н. Ростова, русская религиозная философия, Ж. Батай, П.А. Флоренский, философия культа, страх Божий

Новая книга Натальи Ростовской, в основу которой легла ее докторская диссертация, посвящена теме «смерти Бога», вернее – «изгнания» человеком божественного и антропологическим следствиям этого рокового «события». По мнению Ростовской, в современном западном философском дискурсе понятие Бога оказалось подмененным

¹ Рецензия на книгу: *Ростова Н.Н.* Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека. М.: Проспект, 2017. 432 с.

понятием сакрального. Что такое сакральное? Это – категория секулярного сознания, позволяющая снять проблему трансцендентного, потустороннего, сверхъестественного. Сакральное (или «нумизное», «священное», «символическое» и проч.) – уловка для приручения неудобного и требовательного Бога, способ ответить на экзистенциальные вопросы человека, устранив религиозную традицию и культ.

Дискурс сакрального – это «отражение самосознания научной эпохи» [Ростова, 2017, с. 11], поскольку предполагает такие представления о бытии и человеке, которые не создают проблемы соотношения истины веры и истины разума, науки и религии, т. е. подразумевает онтологию и антропологию непрерывности («без разрывов»), находящиеся в согласии с эволюционным учением: мир, лишенный сверхъестественного, чуда творения, Троицы, воскресения, «мир без греха и зла» [там же, с. 326], и человека, редуцированного к телесности, к конечному и бессознательному.

Сфера сакрального, построенная на трансгрессии, противопоставляется профанной сфере запретов, но оба мира, по мнению автора, не выходят за границы имманентного. В отличие от Бога, сакральное не только имманентно, но и амбивалентно: темное, пагубное, низкое является таким же проявлением сакрального, как светлое и возвышенное; сакральное нас манит и, ужасая, отталкивает. Для того чтобы прорваться к сакральному, не нужны культ и община; оно не предполагает «насилия догматов». Приближаясь к нему через нарушение запретов, человек оказывается в потоке своих субъективных состояний и аффектов и, погружаясь во внутренний опыт, высвобождается к «таящемуся в нем хаосу». Сакральное западных философов (и прежде всего Жоржа Батая) обнаруживается как «первичная бесформенная данность», «непрерывное неструктурированное существование».

Автор убеждена, что появление философии сакрального является свидетельством смерти Бога, которая с точки зрения антропологии предполагает рождение автономного тела и внутреннего опыта, а также появление «богов» и новый титанизм. Вместе с Богом, согласно автору, умирают метафизика, телеология, смысл и – человек. Ростова пишет: «...человек возможен только там, где есть Бог. Смерть Бога неминуемо влечет за собой духовную смерть, логическим завершением которого является буквальная смерть» [там же, с. 223].

Что такое смерть человека? Это «момент достижения человеком “полного удовлетворения тем, что он есть”» [там же, с. 248], когда человек перестает изменять реальность и самого себя; «это исчезновение первичной двойственности человека, которая заключается в одновременном следовании и сопротивлении своей модели действия. Согласие с тем, что есть – абсолютное подчинение реальности» [там же, с. 249]. Тайна человеческой субъективности «сопряжена с тайной ее радикального отличия от наличного мира» [там же, с. 251].

Отсутствие Бога ставит вопрос о возможности антропологического феномена, поскольку Бог как трансценденция есть «выступ» из природной детерминированности, обозначение того онтологического разрыва, без которого человек становится производным от мира имманентного [там же, с. 255]. Автор указывает, что после смерти Бога в европейской философии место этого «выступа» заняло ничто.

Ростова подчеркивает, что «речь не идет о смерти человеческого (субъективности), а о смерти человека (сознания)» [там же, с. 349]. Без Бога нет сознания, поскольку Бог является «внутренним источником структуры сознания», формой, организующей хаотичную человеческую субъективность. С утратой этой формы субъективность рассеивается и сознание, которое есть «результат самоупорядочивания хаоса», перестает существовать. «Порядок, – пишет Ростова, – возможен только благодаря тому, что может положить начало этому порядку» [там же, с. 255]. Рассуждения автора здесь, к сожалению, тонут в метафорах, и вопрос о том, в каком смысле хаос человеческой субъективности самоупорядочивается, а сознание «структурируется», остается непроясненным.

В противоположность западной традиции, для которой, по мнению Ростовской, характерен секулярный дискурс сакрального, русская философия остается верной религии и метафизике: в ней «доминируют понятия “Бог”, “трансцендентное”, “культ”, “мистерия”, а понятие “символ” обретает онтологический статус. Поэтому можно говорить о том, что русская философия выстраивает дискурс мистериального, предполагающий трансцендентное измерение человека и мира» [там же, с. 11].

Русская и западная философия, размышляя над одними и теми же вопросами, стремясь решить сходные задачи, отвечают на них совершенно по-разному. Например, с точки зрения европейских философов, социальное играет определяющую роль в становлении сакрального, для русской же философии, напротив, – культ лежит в основе культуры.

Западная философия, согласно Ростовской, делит мир на непроницаемые друг для друга профанную и сакральную сферы; русская традиция говорит о «тотальном освящении реальности» культом, соединяющим трансцендентное и имманентное, т. е. воспринимает мир целостно. По мнению автора книги, «учение о Воскресении не отворачивает человека от “чаши мира”, но раскрывает перед верующим жизнь как чашу, которую нужно испить» [там же, с. 310]. Вводящая в заблуждение оппозиция «сакральное – профанное» уступает место в нашей традиции различению абсолютного и относительного, конечного и бесконечного, трансцендентного и имманентного, что является предпосылкой для онтологии и антропологии радикальных «разрывов». Поэтому человек в русской философии зачастую предстает антиномичным, заостренно парадоксальным и «кричаще противоречивым»; в то время как в западной интеллектуальной культуре мы находим «человека без нутра», «без надлома» [там же].

Если для западной философии сакральное амбивалентно, то понимание Бога (как единственной трансцендентной живой и конкретной истины [там же, с. 187]) в русской философии традиционно; это связано с тем, что в европейской философии происходит психологизирование страха, в то время как в истории отечественной мысли страх психологический и страх Божий (как «мистическая ступень на пути к Богу») не только разводятся, но и противопоставляются («Что делается по страху человеческому – не угодно Богу» [там же, с. 49]). Как пишет автор, страх Божий – это «ожог от встречи с “иным”» [там же, с. 53], **избавляющий человека от психологизмов, изгоняющий любые человеческие страхи и являющий трансцендентное**: «... вне страха человек предоставлен своей самости, поэтому страх связан с принципом “или-или” – или страх есть, и тогда становится возможным иное, или страха нет, и человек отдан во власть имманентности» [там же, с. 60].

Как сакральное, так и культ работают с аффектами человека; они являются «третьим звеном», вклинивающимся между природным и человеческим, тем самым становясь условием и причиной появления человеческого (но не человека). Однако, в отличие от сакрального, культ «претворяет» и «освещает» человеческую природу: он преобразует субъективные состояния и животные непосредственные реакции, делая их объективными, и рождает человека.

Если, согласно западной философии, сакральное призвано открыть человека навстречу нашим субъективным аффектам, высвободиться к ним, то, согласно П.А. Флоренскому, религия, напротив, спасает нас от нас же самих, от таящегося в нас хаоса. Она упорядочивает, а трансцендентной точкой опоры этого порядка является Бог [см., например, Флоренский, 2004]. Русская философия говорит о необходимости преодолеть субъективность в опыте соборности, силою церковной общины; культ «удерживает трансцендентное в трансцендентности» и не дает опыту божественного превратиться в частный и эротический опыт [Ростова, 2017, с. 145].

Западная философия устранила Бога, поскольку Он – помеха человеческой субъективности, нарушение автономии человеческой личности, поскольку Бог, олицетворяющий иерархию и господство, негуманен. Как подчеркивает автор, сегодня субъективность для Запада выступает высшей ценностью, упраздняющей любые другие

ценности [там же, с. 273]. Прямыми следствиями такого тотального имманентизма оказываются «нигилизм, хаос, террор, безумие, отсутствие морали, бесчеловечность, тоталитаризм, уничтожение человека и рождение нового “преображенного” человечества, то есть какого-то принципиально иного существа» [там же, с. 325].

Без Бога все оказывается дозволенным, но при этом ничего нельзя, поскольку «все сковано предметностью, объективировано» [там же, с. 260]. **Свободы как свободы от наличного мира нет, но есть равноправие, плюрализм мнений и толерантность.** В отличие от западного дискурса, христианство говорит о разделении, иерархии и неравенстве, поскольку Бог вносит фундаментальное различие в мир: «Люди равны, поскольку удалены от Первообраза. Люди не равны, поскольку стремятся уподобиться» [там же, с. 163]; **«все равны перед Богом, но не Богу, который отличен от человека. Все равны перед Богом, но не перед друг другом»** [там же]. Христос, напоминает Ростова, принес не мир, но меч (Мф. 10:34): «Истина и Бог – это то, что по своему существу сопряжено с воинственностью, то есть неприступностью своего порядка» [там же, с. 116]. **Автор убеждена в необходимости войны, поскольку «она есть создательница условий абсолютной истины, то есть порядка»** [там же, с. 115], и выступает против толерантности, которую понимает, обращаясь к этимологии слова, как «неспособность... противостоять антигенам», т. е. чужеродному.

Книга Ростовской полемичная и личностная, в ней есть и «нежные идеи» (о супружестве и детях), резкие оценки и смелые обобщения; в некоторых местах создается впечатление фрагментарности и конспективности изложения, встречаются неровности и шероховатости текста, а также частые «разрывы» и «скачки» при переходе от одной темы к другой. Свои утверждения автор подкрепляет (возможно, даже избыточно) анализом обширной философской и богословской литературы.

Противопоставление западной и русской философии, конечно, схематично. Философом *par excellence* западной традиции для автора является Жорж Батай, русской философии – о. Павел Флоренский; выходит, что западная философия – это имманентистская философия сакрального, русская – это философия культа. В русской философии, по мнению автора, даже имманентизм, представленный фигурами Н.Ф. Федорова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Д.С. Мережковского, имеет иной характер, нежели на Западе: «Русское сознание в своем имманентизме обращено к конкретному в своей явленности и близости человека к Богу. Его волнует не человек, а Бог. Тотальная правда не человека, а Бога. Его волю, а не свою оно пытается постичь, сохранив живую иерархию между собой и Им. Не о низведении неба на землю, но о возведении земли на небо ревнует оно. Не человеческий путь практической Марфы избирает оно, но богочеловеческий путь всеобщего преобразования» [там же, с. 116]. Справедливо ли это в отношении Федорова, Толстого, Чехова, Мережковского? Не был ли путь Федорова путем не только Марии, но и Марфы? Можно ли говорить о том, что Толстой в своем имманентизме приближался к «живому Богу», как пишет автор? Как и о том, что Чехова или Мережковского волнует только Бог?

Автор резко критически относится к западной философской традиции и некритично и апологетично – к русской. Однако русская философия не сводится к философии культа, так же как она не является исключительно религиозной и православной. Отчасти идеи Жоржа Батая о божественном, о философии и человеке [см. Батай, 1997] восходят к философии Льва Шестова, учеником которого он был в 1923–1925 гг. Для Шестова характерны и внеконфессиональная, «диффузная религиозность», и адогматизм, и «сведение Бога к субъективному опыту» [Ростова, 2017, с. 360], – все то, что автор относит к дискурсу сакрального. Так что в воззрениях Батая, его интеллектуальной и творческой эволюции просматривается и русский след.

По мнению Ростовской, между русской и европейской традицией существует «ментальный разрыв» [там же], обусловленный «нашей самобытностью», «той самой русской душой», которая «оберегает мысль от редукций, заставляя говорить о первичном хаосе воображения, об аффекте, встрече с трансцендентным, не подда-

ваясь имманентистским натуралистским настроениям, подобным тем, что охватили Европу» [там же, с. 254]. Автор говорит о «современном» «западном сознании», но, если исходить из пафоса книги, – у современного западного человека сознания нет, как нет и самого западного человека – только субъективность.

В книге Ростовской слышатся славянофильское противопоставление русской и европейской культур, вера в то, что Россия является носителем истинно христианских ценностей, и леонтьевское желание «подморозить» Россию, «чтоб она не “гнила”». Автор книги, продолжая интуицию русской философии, стремится описать и осмыслить то, что происходит с нами сейчас. Вот только описание это местами напоминает скупой торопливый эскиз, местами же – черно-белую схему.

Список литературы

Батай, 1997 – *Батай Ж.* Внутренний опыт. СПб.: Аxiома; Мифрил, 1997. 336 с.

Ростова, 2017 – *Ростова Н.Н.* Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека. М.: Проспект, 2017. 432 с.

Флоренский, 2004 – *Флоренский П.А.* Философия культа: опыт православной антропологии. М.: Мысль, 2004. 686 с.

The living God of Russian philosophers (on N.N. Rostova's "The Expulsion of God. The Problem of the Sacred in the Philosophy of Man". Moscow, 2017. 432 p.)

Ksenia V. Vorozhikhina

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

N.N. Rostova's book "The Expulsion of God. The Problem of the Sacred in the Philosophy of Man" is devoted to the theme of "the death of God" and the related topic of "death of a man". According to the author, in European thought the concept of God was replaced by the category of the sacred, which is characterized as immanent and ambivalent. As Rostova points out, man (that is, consciousness) disappears with God, since God is a form, a structure ordering the chaos of human subjectivity. With the loss of this form, subjectivity is dispelled, and consciousness ceases to exist. The place of the disappeared consciousness remains a stream of subjective emotions and affects. The discourse of the sacred, being "a reflection of the self-consciousness of the scientific age", presupposes an ontology and anthropology of continuity consistent with evolutionism, implying that the being and existence of man are limited to the immanent sphere. In contrast to the Western tradition, Russian philosophy, according to Rostova, is based on the traditional understanding of God as the only transcendental living and concrete truth. Russian philosophy is the philosophy of a cult that "covers the whole of reality", the philosophy of unitotality and sobornost', which derives human subjectivity from its isolation. Russian philosophy presupposes ontology and anthropology of "ruptures", implying the mysterious interaction of the transcendent and the immanent, the finite and the infinite, the absolute and the relative. If in the Western tradition God was "banished", like demons, for inhumanity and intolerance, then, according to the author, for the Russian philosophy God remains the basis of hierarchy, division, inequality, order and consciousness.

Keywords: "death of God", sacral, mystical, N.N. Rostova, Russian religious philosophy, G. Bataille, P.A. Florensky, the philosophy of the cult, the fear of God

References

- Bataille G. *Vnutrennii opyt* [Inner Experience]. St Petersburg: Axioma, Mifril Publ., 1997. 336 p. (In Russian)
- Florensky P.A. *Filosofiya kul'ya: opyt pravoslavnoi antropoditsei* [Philosophy of Cult. An Experience of Orthodox Anthropodice]. Moscow: Mysl' Publ., 2004. 686 p. (In Russian)
- Rostova N.N. *Izgnanie Boga. Problema sakral'nogo v filosofii cheloveka* [The Expulsion of God. The Problem of the Sacred in the Philosophy of Man]. Moscow: Prospekt Publ., 2017. 432 p. (In Russian)